

Чудо Сашель.

Это было главным достижением Бичилы.

Его последний и самый весомый козырь.

К несчастью, сам он не считал это триумфом. Напротив, Бичила до последнего отрицал существование этого самого «чуда».

Всё, чего он добился, стало результатом одной случайной догадки.

Юноша никогда не питал страсти к сражениям — его сердце принадлежало науке и исследованиям.

В мире, где средняя продолжительность жизни едва достигала сорока пяти лет, все находились в равных условиях: времени на раскачку не было ни у кого.

В пять лет начиналось «начальное образование». Первый год программа была общей для всех. На второй год следовали тесты на выявление способностей и склонностей, а к третьему — будущее ребёнка было практически predetermined. Конечно, позже оставался шанс сменить стезю, но для этого требовалось пройти самый сложный квалификационный экзамен.

Когда Бичилу «насильно» распределили на факультет подготовки боевого состава, он не забросил своё увлечение. Напротив, изнывая от скуки среди бесконечных тренировок на выносливость и сухой тактики, он тратил всё свободное время на свои «маленькие опыты».

Всё началось с обычного научного конкурса на тему: «Влияние реструктуризации генных цепей на формирование нервной системы». Сашель был лишь одним из множества участников и совершенно не грезил о наградах.

После череды провалов он решил забросить официальную тему эксперимента, сосредоточившись на «влиянии». Когда конкурс окончательно вылетел у него из головы, он дал себе волю и обратился к той области, в которой был по-настоящему силён.

В ходе бесконечных манипуляций по культивированию, сращиванию и рекомбинации нервных клеток, изнурённый недосыпом, Бичила уже сам забыл, в какой именно момент изменил алгоритм действий. Результат оказался ошеломляющим.

Так он вторгся в пределы «околонауки» — области биомедицины, считавшейся практически неосвоенной. Речь шла о восстановлении нервов. О регенерации.

Если при травмах конечностей мышечные и костные ткани со временем восстанавливаются сами собой, то с мозгом всё иначе. Повреждённые ткани мозга не регенерируют — нельзя просто надеяться, что они вырастут заново в прежнем виде. Нервные клетки считались хрупкой и невосполнимой материей. Даже процент выздоровления при травмах позвоночника был ничтожно мал, и каждый успешный случай возводился в ранг чуда. Именно поэтому регенерацию нервов относили к «околонауке», граничащей с вымыслом.

Но.

То, что уже давно клеймили как «чудо», а не «науку», по чистой случайности предстало перед Бичилой в виде безупречного результата.

Стоило новости разлететься, как к исследованиям примкнуло множество добровольцев. Однако результат упорно не желал повторяться. Группа помощников была разобщена, и когда пламя надежды начало гаснуть под холодным душем безрезультатных опытов, молодого человека стали обвинять в погоне за несбыточными фантазиями.

Люди уходили толпами. В конце концов остались лишь те, кто, как и он, видел в исследованиях смысл жизни. Но со временем и у них иссяк запал. Лишь упрямый Бичила не сдавался. Он не просто не опустил руки — он вложил в это дело всю душу, забыв о сне и еде.

На третий год изысканий ему наконец удалось воспроизвести тот самый результат и разгадать тайну регенерации нервов. И хотя из-за этого он из «гениального студента» превратился в аутсайдера, который едва не вылетел с факультета подготовки боевого состава и остался на второй год, плоды трудов его не разочаровали.

Публикация результатов произвела эффект разорвавшейся бомбы. Клинические испытания на добровольцах лишь подтвердили успех. Солдаты, вынужденные заменять части тела протезами, элитные бойцы, на обучение которых были затрачены колоссальные средства, рабочие, надорвавшиеся на производстве — все они полностью исцелялись после «регенеративной терапии». Резерв военного ведомства начал стремительно расти, опытные кадры возвращались в строй, а нагрузка на организм от механических имплантатов снизилась, что позволило значительно продлить срок службы и вернуть к работе тысячи людей.

Бичила удостоился признания командования. Его вне очереди повысили до лейтенанта и сразу после выпуска прикомандировали к исследовательскому институту при военном ведомстве.

«Благодарим лейтенанта Сашеля за его вклад».

«Слава Чуду Сашелю».

Долгое время его имя не сходило с передовиц. Дошло до того, что многие родители называли своих новорождённых сыновей Сашелями.

Чудо Сашель.

Вне всяких сомнений, создатель этого метода заслуживал своего прозвища.

Но сам творец «чуда» был иного мнения.

Довольно быстро он осознал: он не спасает людей, а губит их.

Причина была проста: раз теперь любого можно исцелить, значит, человеческий ресурс можно эксплуатировать безжалостно. Студентов, ещё не окончивших «продвинутый факультет», принуждали к дополнительным шестистам тридцати часам каторжных работ в Монтестелии. Рабочим в шахтах, и без того трудившимся на износ, ежегодно удваивали смены. Солдаты, которые по ранению должны были уйти в отставку, возвращались на поле боя — и так до самой смерти...

Тяжёлые воспоминания, похожие на кошмар.

Но ещё хуже было то, что, открыв глаза, Бичила увидел перед собой лицо Асира. Сашель тут же издал дикий вопль.

Пока в голове юноши металась мысль в духе: «Чёрт возьми, как я умудрился вырубиться рядом с этим ублюдком?!», проснувшийся от его крика подполковник уже протянул к нему левую руку.

Бичила мгновенно пришёл в себя, подскочил на месте и отпрянул, принимая оборонительную стойку.

— Подсоби, — Асир едва повёл бровью. Голос его был сух и спокоен.

— Чего? — Ему показалось, что операция по восстановлению его барабанных перепонок прошла неудачно.

— Будь добр, помоги мне встать, — «ласково» процедил сквозь зубы Асир.

Бичилу передернуло.

Почему-то в этом невозмутимом лице и многозначительном взгляде читалась такая уверенность в собственной правоте, что у юноши мгновенно вспыхнул гнев.

— С какой стати? — огрызнулся Сашель. — Я тебе, блядь, не подчинённый, не слуга и уж тем более не...

Он осекся, когда рука Асира придвинулась ещё ближе.

— Не смей ко мне прикасаться! — Бичила угрожающе замахнулся кулаками.

Тот и не подумал пугаться. Он лишь молча посмотрел на оппонента, медленно убрал руку и сначала указал на фиксирующий корсет на своих рёбрах, затем — на свежий синяк на лице Сашеля, а после — на собственную разбитую губу. В завершение он развёл руками и пожал плечами.

Смысл жеста был предельно ясен: за рёбра они в расчёте, а вот за рану на губе Бичиле ещё предстоит отплатить.

Он замер, а затем с понурым видом опустил кулаки.

Асир снова протянул ему левую руку. Сашель, разразившись длинной тирадой из ругательств, наконец нехотя ухватился за неё.

— В уборную, — бросил Асир. — И спасибо.

Бичила: — ...

Будучи раненым, Асир большую часть времени спал, и справляться с ним было куда проще, чем с обычными пациентами. Иногда он пользовался коммуникатором, поддерживая связь с Отрядом Тысячи Пределов, но говорил мало, чаще просто слушал. Бичила из этих обрывков фраз не мог понять, о чём именно идёт речь.

После того как он втихую сожрал полтора десятка больничных обедов Асира, тот наконец стал бодрствовать дольше, чем спать. Лафа кончилась: теперь еду приходилось не воровать, а отнимать силой.

Разумеется, Бичила терпел крах. Стоило Асиру схватиться за бок в области сломанных рёбер, как он тут же сдавался и послушно возвращал поднос в руки законного владельца.

И не то чтобы Бичила не хотел уйти — просто каждый раз, когда Асир открывал глаза и видел, что Сашель не сидит на этом проклятом стуле, его первой фразой неизменно было: «Сядь на стул».

Юноше казалось: если он не окажется приклеенным к этому месту в момент пробуждения Асира, тот его просто прибьёт. Взвесив все «за» и «против», Сашель был вынужден остаться. Если бы не Джефсика и руководители групп, время от времени приносявшие еду, Бичила бы точно протянул здесь ноги от голода.

Когда настал день, когда Асиру больше не требовалось «наслаждаться» больничным рационом, он снова протянул руку Бичиле, но на этот раз требования изменились.

— Помоги мне снять робу и умыться. На губе рана — будь осторожнее, не задень. Сам тоже приведи себя в порядок: побрейся, причешись. А потом принеси мне одежду и носки.

Асир излагал свои требования чётко и последовательно. Сашель начал раскаиваться в содеянном, стоило ему начать раздевать подполковника.

Больничная роба оказалась просто куском ткани. Чёртовым куском ткани, под которым не было абсолютно ничего.

Бичила затаил дыхание, стараясь не смотреть на Асира, и кое-как выполнял указания, поминутно твердя себе: «Он ранен, он ранен», чтобы случайно не захватить подопечному в челюсть.

— Помоги одеться, — продолжал командовать Асир.

Скрепя зубами, юноша подчинился.

— Теперь штаны...

— Слышь, ты, зеленоглазый ублюдок, не наглей! — взорвался Бичила, швыряя брюки на кровать. — У тебя что, руки отсохли? Если нет, я их тебе сейчас сам переломаяю!

Асир согласно кивнул и произнёс:

— Тогда позови медсестру...

Бичила: — ...

Он лишился дара речи лишь на секунду, после чего снова разразился руганью:

— Да ты совсем охерел?! Чёртов эксгибиционист!

Асир оставался пугающе спокоен:

— Я нажму кнопку вызова...

— Бесстыдник! Извращенец! Псих чёртov!.. — Бичила, не переставая материться, подобрал штаны. Натягивая их на Асира, он не удержался от вопроса: — И на кой хрен ты так вырядился? Тебя всего пару дней назад заштопали! Жить надоело или смерти ищешь?

— Я хочу, чтобы ты кое с кем встретился.

— Обойдусь.

— Это Рене Мутрея.

— Я же сказал — не... Стоп, Рене? Что-то знакомое... А, вспомнил! Это та вертихвостка, глава группы из твоего отряда, которая при первой же встрече вцепилась мне в руку и заявила, что хочет со мной дружить!

— Она самая, — кивнул Асир.

— И с чего мне с ней видеться? — Бичиле эта затея казалась полным бредом. — Я что, на идиота похож?

— Я хочу попросить тебя помочь ей.

— С какой стати я должен ей помогать? Ты совсем головой поехал?

— Считаю, что помогаешь мне.

— Тебе?! Да ты в своём уме?! Кто станет помогать такому подонку, как ты?!

Кажется, пока Бичила «работал слугой», его терпение окончательно истощилось. Или же в этом диалоге наглость Асира перешла все границы, потому что Сашель, не раздумывая, замахнулся и нанёс молниеносный удар, метя противнику в челюсть.

Асир предвидел, что Бичила метит именно туда. Он ловко уклонился и, пока Сашель был открыт, нанёс ответный удар в живот, а затем добавил ещё один в лицо.

Когда Бичила, корчась от боли, попытался ударить ногой, Асир перехватил его колено и заломил левое запястье, полностью блокируя атаку. Он двигался так стремительно и грациозно, что в нём нельзя было заподозрить раненого.

— Проклятье! — прорычал Бичила, не в силах шевельнуться.

Асир снова занёс кулак, целясь ему прямо в нос.

Сашель взвыл, а затем разразился истеричными криками:

— Хватит! Хватит уже! Стой! Я на всё согласен! Слышишь?! Пойду куда скажешь! Хоть к чёрту, хоть к эльфу, хоть к самому дьяволу! Встречусь с кем угодно! Только прекрати!

Кулак Асира замер в волоске от носа Бичилы. Тот кожей чувствовал исходящий от его руки жар.

Подполковник удовлетворенно отпустил его.

— Господин Асир, — Бичила одной рукой потирал лицо, другой — живот, не забывая при этом яростно сверлить противника глазами. — Ты когда-нибудь слышал эпитет, который подходит тебе идеально?

— И какой же? — Асир невозмутимо поправил одежду.

— Бесчестный ублюдок. Повтори за мной по слогам: бес-чест-ный уб-лю-док!

Тот лишь слегка улыбнулся:

— Благодарю за комплимент.

— Зеленоглазая скотина.

— Справедливо.

— Маньяк.

— Не совсем точно, но допустимо.

— Твою мать! Да откуда в тебе столько наглости?!

Юноша понял, что его ругань не достигает цели, и умолк.

— Что за помощь нужна? Но сразу предупреждаю: я иду против воли. Совершенно, абсолютно, ни на йоту не добровольно!

<http://bllate.org/book/15827/1442892>